

Фурер О. В.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕМАНТИКИ ИМЕН ДЕЯТЕЛЯ И ОРУДИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/97.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 229-231. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список использованной литературы

1. **Болдырев Н. Н.** Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. - Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000.
2. **Дорофеева Н. В.** Удивление как эмоциональный концепт: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Волгоград, 2002. - <http://kubstu.ru/docs/lingvoconcept/autoref3.htm>.
3. **Изард К. Э.** Психология эмоций. - СПб.: Питер, 2006. - 464 с.
4. **Филимонова О. Е.** Язык эмоций в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты): Монография. - СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. - 259 с.

Использованные словари

1. **WNDS** - Webster's New Dictionary of Synonyms. - Springfield - Massachusetts: G&C Merriam Company, 1978.
2. **WT** - Wordsworth Thesaurus. - Wordsworth Editions Ltd., 1993.
3. **LLA** - The Longman Language Activator. - Longman Group UK Limited, 1999.
4. **SOELD** - The Shorter Oxford English Language Dictionary. - Oxford University Press, 2002.
5. **LDCE** - Longman Dictionary of Contemporary English. - Longman Group Ltd, 1995.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕМАНТИКИ ИМЕН ДЕЯТЕЛЯ И ОРУДИЯ

Фурер О. В.

Поволжская государственная академия телекоммуникаций и информатики, г. Самара

В существительных, обозначающих деятеля, сема [агенс] манифестирована не синтаксическими средствами и не является элементом синтаксической семантики. Эта сема представлена морфемными и словообразовательными средствами и составляет часть лексического значения слова. Имя деятеля обозначает субъекта, который исполняет позиционную или ситуационную роль, подразумевающую совершение какого-либо действия. Согласно теории социальных ролей, позиционная роль обусловлена формальным или неформальным социальным положением (позицией) субъекта и включает в себя регулярное исполнение определенной ситуационной роли или репертуара ситуационных ролей. Например, позиционная роль «священник» (христианской церкви) подразумевает исполнение ситуационных ролей «исповедник» (лицо, принимающее исповедь и отпускающее грехи), «проповедник» (лицо, составляющее проповедь и выступающее с ней с амона), «организатор и ведущий» (при совершении того или иного религиозного обряда; конкретно: креститель, венчатель, сборователь, отпеватель и др.), «духовник» (в морально-воспитательных беседах с прихожанами) и т.д. Ситуационная роль - это функция, выполняемая субъектом в определенной ситуации в соответствии с ее (ситуации) структурой и предназначением, которые регламентированы социокультурными нормами. Имена тех и других ролей содержат в своих значениях лексическую сему [агенс]. В контексте высказывания лексическая сема [агенс] может не совпадать с синтаксической семой [агенс]. Так, значение слова агрессор содержит упомянутую лексическую сему, но в высказывании «Наши доблестные воины уничтожили агрессора» актанта, названный агрессором, пребывает в положении объекта, который исполняет роль «пациенс» (суброль «жертва»), выраженную синтаксическими средствами (прямым дополнением при глаголе деструктивного действия). Это связано с тем, что ситуация представляет собой каузальную и темпоральную цепь элементарных событий: агрессор атакует - ему дают отпор - он защищается - и в конечном счете его уничтожают. Строго говоря, он исполняет суброль «агрессор» лишь в начальной фазе развертывания ситуации; к финальной фазе он ее утратил, но его «по инерции» продолжают называть этим именем, чтобы идентифицировать его как одного и того же актанта во всех фазах ситуационного сюжета. Таким образом, несовпадение лексической и синтаксической сем [агенс] в данном случае вызвано «запаздыванием» лексической номинации. В других случаях такое несовпадение обусловлено тем, что актанта исполняет две роли не последовательно, а одновременно, и в высказывании одна из них выражена лексическими, а другая - морфосинтаксическими средствами. Например, в высказывании «В магазине покупателя обсчитали» актанта одновременно выступает в роли «агенс» (суброль «покупатель») и роли «пациенс» (суброль «жертва»); первая выражена лексически, а вторая - морфосинтаксически. Если бы актанта был назван именем, соответствующим характеру действия («В магазине обсчитали потерпевшего»), высказывание стало бы семантически избыточным: ведь тот, кого обсчитали, является претерпевающим (*undergoer*) по определению, и эту информацию, выраженную синтаксической функцией дополнения, незачем дублировать использованием слова «потерпевший». Взаимодействие лексической и синтаксической семантики при описании ролевой структуры ситуации повышает содержательную емкость высказывания и устраняет дублирование средств выражения.

Как видим, в событии, которое описывается в высказывании, актанта может исполнять не ту (или не только ту) роль, которая обозначена в его лексическом наименовании.

Имя исполнителя действия, как правило, плохо сочетается с глаголом, обозначающим это же действие, поскольку такое сочетание приводит к семантической избыточности, проявляющейся в виде лексической тавтологии (Угонщик угнал машину) или семантической тавтологии (Поджигатель спалил дом). В подобных случаях деятеля обычно называют другим именем; в приведенных примерах это могут быть имена злоумышленник, преступник, злодей и т.п.).

Кроме того, имя исполнителя действия обычно не сочетается с теми глаголами, которые обозначают другие действия, не связанные с данным (Покупатель нарубил дров, Строитель ловил рыбу и т. п.), так как в событиях, описываемых такими глаголами, выбор имени актанта (покупатель, строитель) не мотивирован.

Лучше всего имя исполнителя действия (или роли) сочетается с именами действий, связанных с данным (или входящих в данную роль), например: Водитель переключил скорость, Строители заложили фундамент / возвели первый этаж / завершили отделку дома и т.п. Связь действия, обозначенного в имени, с действием, обозначенном в глаголе, может быть не прямой; важно лишь, чтобы в данном сценарии они соответствовали друг другу согласно логике экстралингвистической реальности и социокультурной норме. Ср.: Косари пообедали, Буровики пришли на концерт, Водитель позвонил по мобильному телефону и т.п.

Имена позиционных ролей обычно имеют более широкую сочетаемость с глаголами, чем имена ситуационных ролей, так как в позиционную роль, как правило, входит целый репертуар ситуационных ролей, подразумевающих спектр разнообразных действий, которые в своей совокупности образуют социокультурный стереотип поведения носителя данной позиционной роли. Например, позиционно-ролевое наименование учитель сочетается с множеством глаголов, относящихся к сложной дидактической и воспитательной деятельности, а также отдыху, сокультурбиту, взаимоотношениям с учащимися и начальством, гражданским акциям и др. Ситуационно-ролевое имя прохожий сочетается с гораздо меньшим числом глаголов, обозначающих лишь то, что человек делает в качестве прохожего. Однако это не непреложная закономерность, а только тенденция: существуют имена позиционных ролей, имеющие сравнительно узкую сочетаемость (резчик) и ситуационно-ролевые имена с относительно широкой сочетаемостью (пассажир < франц. *passager* < *passer* «продвигаться»). Это определяется характером ролей (их сложностью, социальной значимостью и другими качествами).

Некоторые имена деятеля многозначны: они обозначают как позиционные, так и ситуационные роли. Ср. рус. водитель - 1. «шофер» (профессия); 2. «тот, кто (в данный момент) управляет автомобилем»; англ. *writer* - 1. «писец»; 2. «писарь»; 3. «поверенный в делах»; 4. «автор литературных произведений» (позиционные роли); 5. «тот, кто в данный момент пишет» (ситуационная роль). Интересно отметить, что русские наименования летчик и пилот, первоначально взаимозаменяемые, впоследствии подверглись семантической дискриминации: ныне летчик обозначает позиционную роль (профессию), а пилот - ситуационную роль («тот, кто выполняет данный полет»; ср. первый /второй пилот - распределение функций во время авиарейса).* В английском слове *pilot* такой дискриминации значений не произошло: оно обозначает как позиционные, так и ситуационные роли (1. «лоцман»; 2. устар. «кормчий»; 3. «проводник (на охоте)»; 4. «летчик» (профессия); 5. «тот, кто (в данном полете) управляет летательным аппаратом»).

В русском языке, в котором существование имеет категорию грамматического рода, гораздо больше субстантивных пар, различающихся по гендерному признаку (летчик - летчица; ткач - ткачиха; швец - швея; директор - директриса и мн. др.), чем в английском языке, где реликтовое гендерное различие у дериватов агентивных глаголов сохранилось лишь в нескольких парах с суффиксами *-er/-ess*: *director - directress* (< лат. *di-regere* «направлять»); *poet - poetess* (< греч. *poietes* «творец») и др., а также *-man/-woman*: ср. *milkman - milkwoman* (< *to milk* «доить»); *fisherman - fisherwoman* (< *to fish* «рыбачить») и нек. др. У большинства недавно возникших дериватов русских агентивных глаголов гендерное различие нейтрализовано: русские имена деятеля имеют грамматическое значение мужского рода (конструктор, программист, редактор) независимо от пола обозначаемого лица. В английском языке большинство имен деятеля вообще не содержит гендерный смысл (*cook* «повар /повариха»; *worker* «работник /работница» и т.п.).

Имена деятеля различаются по признаку наличия / отсутствия идиоматического компонента (приращенного смысла) в их семантике. Неидиоматичные имена имеют значение, полностью выводимое из значений морфем и словообразовательной структуры: творец «тот, кто творит»; разрушитель «тот, кто разрушает»; разносчик «тот, кто разносит» и т.п. (англ. *creator* «соз-<и>датель», *baker* «пекарь», *doer* «тот, кто совершает что-либо», etc). У идиоматичных имен значение не полностью выводится из морфемной и словообразовательной семантики; помимо нее, оно содержит конвенциональный приращенный смысл. Вследствие большего или меньшего переосмысления исходного (по А. А. Потебне, ближайшего) значения слова возникает производное (дальнейшее) значение, находящееся с исходным в той или иной мотивационной связи. При этом в одних случаях исходное значение сохраняется, и слово становится двузначным. Например: слушатель - 1. «тот, кто слушает (букв)»; 2. «учащийся краткосрочных курсов, школы-семинара и т.п.» (идиом.); англ. *producer* - 1. «тот, кто производит что-либо» (букв); 2. «административно-финансовый руководитель постановки кинофильма», ~ рус. директор фильма, продюсер (идиом.). В других случаях исходное значение утрачивает статус значения и становится внутренней формой слова. Ср.: писатель (букв. «тот, кто пишет») - «автор литературных произведений»; англ. *actor* (букв. «тот, кто действует») - «драматический артист».* В ряде случаев на базе исходного возникает несколько производных значений с идиоматическим компонентом. Ср.: защитник - 1. «тот, кто защищает» (букв.); 2. спорт. «вид футбольного игрока» (идиом.); 3. юр. «адвокат, выступающий на стороне обвиняемого в судебном процессе» (идиом.); англ. *defender* - 1. «тот, кто защищает» (букв.); 2. «титул английских королей, выступавших против лютеранства» (идиом.); 3. «чемпион, отстаивающий завоеванный спортивный титул» (идиом.). У многих имен деятеля внутренняя форма утратила прозрачность и приобрела историко-этимологический характер. Например: врач (< древне-рус. *врати* «говорить»; букв. «тот, кто заговаривает <болезнь>»); англ. *tailor* «портной» (< нормандск. *taillier* «резать»; букв. «тот, кто режет <кроит>»).

Два или более агентивных глагола могут иметь одну и ту же внутреннюю форму при разном морфемном составе. Варьирование морфемного состава осуществляется в целях дискриминации производных идиоматических значений. Например: писатель, писец, писарь, писака (внутренняя форма «тот, кто пишет»); англ. *collabrator* «соавтор (художественного произведения)»; *collaborationist* «тот, кто предательски сотрудничает с оккупационными властями» (внутренняя форма «тот, кто трудится вместе с кем-либо»).

Имена деятеля создаются тогда, когда языковой коллектив испытывает в них устойчивую коммуникативную потребность. Факторы, определяющие возникновение этой потребности, не всегда ясны. Можно предположить, что в качестве такового выступает социокультурная значимость роли актанта. Однако это не объясняет, скажем, того факта, что в русском языке существует слово пришелец, но не существует слова ушелец: нет оснований полагать, что роль «пришелец» в общем случае более значима, чем роль «уходящий / ушедший участник ситуации» (например, из семьи, из коллектива, из жизни и т.п.). Ср. англ. *arrival* «пришелец», но не *(de)partur* / **leaver* (существует лишь *school-leaver* «выпускник»). В этом вопросе мы можем сделать лишь осторожное обобщение: носители позиционных и некоторых, наиболее социокультурно-устойчивых ситуационных ролей обозначаются существительными с агентивным суффиксом, а производители отдельных действий обычно не имеют названия в виде существительного и обозначаются окказионально-субстантивированными причастиями: «Нашедшего утерянный зонтик прошу сдать его на вахту» (при отсутствии существительных типа нашелец / находчик). Ср. также: «Переходящие улицу (не переходчики улицы) на красный свет подвергаются штрафу».

В целом можно заключить, что отглагольными существительными с агентивным суффиксом обозначаются главным образом устойчивые элементы социокультурного пространства, а окказиональные элементы чаще обозначаются субстантивированными причастиями. Это, однако, в большей степени характерно для русского, чем для английского языка. Английское причастие I вообще не может выступать в субстантивной функции, а причастие II может выполнять ее лишь весьма ограниченно, обычно, в собирательном значении (*the possessed* «одержимые», *the deceased* «погибшие» и т.п.). Поэтому в английском языке больше существительных с агентивным суффиксом, многие из которых соответствуют русским субстантивированным причастиям: спящий - *sleeper*, говорящий - *speaker*, слушающий - *listener*, спрашивающий - *asker*, отвечающий - *answerer*, ликующий - *rejoicer*, дающий - *giver*, берущий - *taker*, и мн. др. Слова *eater* / *drinker* / *smoker* и т.п. обозначают, и тех, кто постоянно привержен этим занятиям (*heavy eater*, etc.), и тех, кто предается им в данный момент. Таким образом, характер средств выражения лексической семы [агенс] определяется не только социокультурным, но и системно-языковым фактором (спецификой строя данного языка).

Таким образом, специфика имен деятеля и орудия в том или ином языке обусловлена системным, нормативным и этнокультурным факторами.

Список использованной литературы

1. **Есперсен О.** Философия грамматики. - М.: ИИЛ, 1958.
2. **Минский М.** Фреймы для представления знаний. - М.: Энергия, 1978.
3. **Никитин М. В.** Основы лингвистической теории значения. - М.: Высшая школа, 1988.
4. **Теньер Л.** Основы структурного синтаксиса. - М.: Прогресс, 1986.
5. **Трубецкой Н. С.** Основы филологии. - М.: Аспект Пресс, 2000.
6. **Чейф У.** Значение и структура языка. - М.: Прогресс, 1975.
7. **Chomsky N.** *Cartesian Linguistics*. - N.Y. - London, 1966.

К ВОПРОСУ О ВАРИАНТНОСТИ В РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ

Хакимова Е. М.

Южно-Уральский государственный университет

Постановка знаков препинания может соотноситься с двумя принципами: коммуникативным и конструктивным. В первом случае в основе пунктуации лежит актуальное членение, во втором - структура членов предложения и их морфологические характеристики. На основании анализа древнерусских текстов Б. И. Осипов [Осипов 1992] пришел к выводу о том, что наша старинная пунктуация была коммуникативно-синтаксической. С середины XVIII в. начался переход на конструктивно-синтаксический принцип, который в современной русской пунктуации является доминирующим. Следует, однако, отметить, что в настоящее время коммуникативное начало не выведено за рамки пунктуационной системы. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что некоторые предписания, ориентированные на пунктуационное обеспечение синтаксических конструкций, сопровождаются оговорками и дополнениями, которые могут рассматриваться как проявление коммуникативных установок.

Рассмотрим предложение *Она моя подруга*. По правилу, знак препинания обычно не ставится, если подлежащее выражено личным местоимением. Поскольку пунктуационное решение базируется на учете морфологических (то есть формальных) характеристик подлежащего, можно считать, что в данном предписании реализован конструктивно-синтаксический принцип. Однако далее мы узнаём, что тире в этом случае ставится 1) при логическом подчеркивании: *Я - гражданин Советского Союза* (Маяковский); 2) при противопоставлении: *Я - фабрикант, ты - судовладелец* (Горький); 3) при структурном параллелизме предложений или частей предложений: *Без тебя я - звезда без света. Без тебя я - творец без мира* (Брюсов); 4) при ин-